

вых учений (равно как для выбора деушками между претендентами на их сердца), даже если окончательного синтеза науке о праве так и не суждено добиться (а деушкам — не найти идеального жениха). Проблема современных интегративных теорий — в недостатке критического различия между идеальным проектом «всеединого» научного знания о праве и конструированием той методологической модели, которая могла бы (на практике и в теории) заменить традиционные методы описания и объяснения права. На это идеальное измерение интегративизма в правоведении указывает один из лидеров данного направления¹, подчеркивая при этом регулятивный характер проекта интеграции знания о праве и отделив интегральную юриспруденцию от практической и теоретической юриспруденции².

В нижеследующих рассуждениях мы хотим уделить внимание той методологической основе, на которой зиждется интегративно-юридические проекты в работах современных российских авторов. Эти проекты зачастую сводятся к комбинированию элементов разных типов правопонимания в целях создания нового теоретического синтеза, который, если воспользоваться гегелевской терминологией, «снимает противоречия» предшествующих концепций. Именно в этом смысле В. В. Лапаева в качестве отличительной характеристики этих проектов справедливо упоминает «непрекращающиеся поиски интегративного подхода к праву, который смог бы объединить научно-практические потенциалы различных типов правопонимания»³. Подобные интегративные комбинации подкрепляются аргументами, основанными на системном характере правовой действительности, который также обуславливает необходимость интегрального познания права. В обоснованности таких рассуждений у нас есть некоторые сомнения⁴, о которых и пойдет речь ниже.

Не оспаривая возможность выделить в философии права ряд идеальных типов (в веберовском смысле) понимания права, мы полагаем, что комбинирование этих идеальных типов (в целях их «интегра-

¹ См.: Графский В. Г. Интегральная (синтезированная) юриспруденция: актуальный и все еще незавершенный проект // Правоведение. 2000. № 3.

² См.: Графский В. Г. Право как результат применения правила законной справедливости (интегральный подход) // Государство и право. 2010. № 2. С. 10—11. См. также: Лапаева В. В. Справедливость и право // Труды ИГиП РАН. 2011. № 5.

³ Лапаева В. В. Правовой принцип формального равенства. Антология научной мысли: к 10-летию Российской академии правосудия. М., 2008. С. 83.

⁴ Критика интегративного подхода ранее уже неоднократно высказывалась. Ср., философия права в России: история и современность: материалы третьих философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца / отв. ред. В. Г. Графский. М., 2009. С. 242—253.

М. В. АНТОНОВ,
кандидат юридических наук, доцент
(Санкт-Петербург)

Об интегральной юриспруденции и энциклопедии правоведения

С недавнего времени в отечественной юриспруденции активно ведутся споры о новом подходе к праву, который совместил бы в себе положительные черты традиционных воззрений на право (социологического, юснатуралистического, нормативистского, психологического и проч.). Поиск такого универсального подхода ведется под знаменами нового интегративного (интегрального)¹ типа правопонимания. Исключительное значение сторонники нового варианта понимания права черпают как в работах ряда современных американских авторов (Г. Дж. Бермана, Дж. Холла), так и в идеях ряда российских правоведов дореволюционной школы философии права (в частности, Б. А. Кистяковского, А. С. Яценко, Г. Д. Гурвича, П. А. Сорокина и др.)².

Не стоит ставить под сомнение легитимность попытки найти новые идеи и концепции путем совмещения ранее разработанных теорий и экспликативных схем — таков в целом путь развития всех социальных наук³. Если обратиться к образному примеру мечтаний Агафьи Тихоновны из гоголевской «Женитьбы», приводимому И. Ю. Козлиным⁴, то недостаток интегративизма нужно искать не там, где его видит известный петербургский правовед. Проблема — не в стремлении совместить разные аспекты права (не в попытках создать идеальный образ жениха, прилаживая губы одного кандидата к носу другого). Подобное стремление научного знания вполне оправданно, оно служило и служит одним из основных стимулов для развития право-

¹ Эти два термина в настоящей статье мы используем как синонимичные, хотя в определенной перспективе между ними можно провести разграничение.

² См. об этом: Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М., 2012. С. 175—190.

³ Ср.: Лазарев В. В. Истоки интегративного понимания права // Наш трудный путь к праву: материалы философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца / сост. В. Г. Графский. М., 2006; Antonov M. Unser Schwere Weg zum Recht // Rechtslehre. 2007. № 1.

⁴ См.: Козлинин И. Ю. О нетрадиционных подходах к праву // Правоведение. 2006. № 1. С. 34.

ции», «синтеза» для получения качественно нового знания о праве) представляет собой методологическую ошибку. Если целью типологизации политико-правовых учений путем выделения разных вариантов правопонимания являлось условное разделение этих учений на несколько блоков, условная группировка вокруг определенных концептуальных осей (будь то определение права, онтологический статус права, соотношение права и государства, методология исследования права и проч.¹), то объединение в некий высший синтез абстрактных признаков, используемых для конструирования данных идеальных типов понимания права, лишает смысла предшествующую методологическую операцию — деление философско-правовых концепций на идеальные типы. Если результатом типологизации является доказательство оторванности от многоаспектной реальности и концептуальной односторонности выделенных типов (через аргументы о невозможности познания всего права только через один из его абстрактных аспектов), то такой результат свидетельствует скорее о некорректности претензий такой типологии на экспликативность, но не о неполноте или ошибочности тех доктрин, которые подверглись типологизации. Поэтому недопустимым представляется обоснование новых интегральных воззрений на право через доказывание недостаточности, односторонности, условности «синтезируемых» типов правопонимания: такая условность и односторонность представляют собой исходное условие любой классификации в области философии права.

Сама по себе аналитическая операция по абстрактному разделению позиций и концепций различных мыслителей на условные категории (типы правопонимания) с последующим конструированием нового типа правопонимания, который частично объединил бы признаки, характеризующие ранее выделенные типы правопонимания, на первый взгляд предстает как вполне допустимый исследовательский прием. Но только как подручное средство для философских обобщений, как прием конструирования идеализированных моделей. Такое средство не подходит в качестве замены существующих в правовой науке категорий и методов описания окружающей действительности, равно как не может служить и для критики политико-правовых доктрин прошлого и настоящего. Этот прием схож с тем, что, к примеру, использовал Аристотель в рассуждениях о государстве — каждая из выделенных им форм государства оказывалась ущербной, что давало философу возможность скombинировать, «интегрировать» принципы олигархии

¹ См. об этом: Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. С. 11—37.

и демократии в новый тип государства — политию. В то же время древнегреческий мыслитель осознавал абстрактность этого чисто умозрительного деления, пригородного только для философской спекуляции о принципах форм правления и об идеальных формах социального взаимодействия, пользуясь (по дошедшим до нас сведениям) в своем описании политического устройства древнегреческих полисов совсем другой методологией. Одно дело — вопрос об общественном идеале, другое — методология описания реальных государственно-правовых явлений. Критика «отвлеченных начал» в познании правовых явлений (если воспользоваться терминологией В. С. Соловьева, столь вдохновлявшей А. С. Яценко, Г. Д. Гурвича и других представителей дореволюционной «интегративистской» философии права) как таковая не способна подтвердить онтологическую целостность права.

В этом аспекте деление и последующее синтезирование абстрактных типов правопонимания предстает как бесполезная операция — даже безотносительно к вопросу о нахождении искомой интегративной методологии. Само по себе то, что нормативизм Г. Кельзена, юснатурализм Г. Радбруха или социализм Э. Эрлиха, взятые в своей гиперболизированной односторонности, не объясняют феномен права в его целостности, еще не доказывает того, что критика подобной гиперболизированной односторонности удалась путем разоблачения «недостаточности» анализируемых (точнее, конструируемых) ими типов правопонимания создать искомую интегративную методологию, даже если описываемые ими проекты интегрального знания о праве, несомненно, поражают воображение.

Может возникнуть вопрос: являются ли типы правопонимания на самом деле лишь идеальными типами, либо же критерии типологизации столь универсальны, что все или большинство известных политико-правовых учений безраздельно могут быть разнесены по разным типам? Иными словами, возможно ли, что, к примеру, в концепции Аристотеля или Цицерона, Г. Радбруха или Дж. Финниса мы не найдем элементов позитивизма, а в концепции Г. Кельзена или Г. Харта, Р. Паунда или Э. Эрлиха — никаких элементов юснатурализма? Такое предположение кажется весьма спорным и, насколько нам известно, ни один из отечественных теоретиков интеграции типов правопонимания этого всеерьез не утверждает, хотя есть доброжелатели, которые пытаются спасти Кельзена от Кельзена, доказывая, что когерентность требовала от австрийского мыслителя последовательной апологии принуждения и силы, «агрессивного насилия»¹. Но допустим, что та-

¹ Ср.: Четвернин В. А. Введение в курс общей теории права и государства. М., 2003.

кое утверждение все-таки выдвигается. Тогда из казалося бы очевидной «критики отвлеченных начал» разных типов правопонимания данный «синтезирующий» исследовательский прием превращается в банальное *retitio principii*. Здесь предвосхищается, берется в качестве данного то, что еще требуется доказать, — что концепции тех или иных мыслителей прошлого или современности действительно являются полностью односторонними, не содержат в себе элементов иных типов правопонимания.

Но дорога к интегративной юриспруденции может прокладываться по пути наименьшего сопротивления, доказательством от противного. Если принять противоположность (взаимоисключаемость) типов правопонимания в качестве аксиомы или хотя бы рабочей гипотезы, путь для головокружительных комбинаций и не менее ошеломляющих обобщений открыт. Так, если, к примеру, Г. Кельзен нормативист (легист, позитивист), то он должен отрицать естественно-правовое учение полностью, в его чистом учении о праве не должно быть места элементам юснатурализма¹. Такие рассуждения вращаются в порочном кругу доказательства — ведь нужно доказать именно то, что отнесение кельзеновского учения о праве к нормативистскому (позитивистскому, легистскому и т. п.) типу правопонимания позволяет исчерпывающим образом охарактеризовать это учение, исключив из него элементы конкурирующих типов правопонимания (и тем самым сделав возможной последующую интеграцию). Но доказать это можно было бы только через всестороннее исследование идей этого великого австрийского правоведа — на что у большинства сторонников интегративности попросту не хватает времени или терпения. Подобное доказательство было бы в высшей степени затруднительным ввиду того, что Кельзен не исключал возможности описания права через отсылки к категориям справедливости, иным этическим ценностям, даже посвятив этой проблематике несколько работ. В целом трудно найти мыслителя, заведомо исключавшего из сферы правовой действительности те или иные аспекты, которые обычно обозначаются термином «право». Это верно и по отношению к Г. Кельзену, и к другим мыслителям, которые позиционируются как классические представители тех или иных типов правопонимания, поскольку, по справедливому замечанию В. Г. Графского, «у одного и того же мыслителя-системосозидателя можно встретить не только собственные анализ, но и примиряющий синтез таких мнений»².

¹ Ср.: Сорокин В. В. Позитивистский подход к правопониманию: опыт, перспективы // Юридическое образование и наука. 2006. № 4. С. 3–6.

² Графский В. Г. Интегральная (синтезированная) юриспруденция: актуальный и все еще незавершенный проект. С. 63.

Вспомним, что основатель отечественной доктрины типов правопонимания проф. В. С. Нерсесянц применительно к вводимой им терминологии говорил преимущественно о делении разных подходов в зависимости от той дефиниции права, которая формулировалась (или должна была формулироваться) представителями того или иного типа¹. Если взглянуть на попытки интеграции правоведения под этим углом зрения, то окажется, что они сводятся только к поиску единого (интегрирующего все аспекты) определения права. Тогда вместо единого диалогического проекта нахождения универсальной истины путем синтеза роения всего того, что известно о праве, проблематика интегративности предстает лишь как техника комбинирования в дефиниции понятия «право» различных элементов этого понятия, выявления развитых в ракурсе отдельных политико-правовых учений, выявленных и не должен ставиться вопрос о преодолении односторонности, ведь, как было отмечено выше, все или подавляющее большинство мыслителей прошлого были интегративистами² с той точки зрения, что они признавали и стремились объяснить многоаспектность права. Это обидное упреждение в комбинировании элементов понятия «право» оказывается схожим со складыванием мозаики, где пазлы уже сделаны заранее, а ребенку нужно лишь сложить их в известной последовательности. Такое теоретическое занятие хотя нередко и выявляет острую ум, все же остается лишенным научной значимости — ведь достойное внимания научное определение всегда в концентрированном виде выражает сущность и конечный результат исследования, а не просто среднее арифметическое от сложения элементов чужих теорий и представлений. Тем более что сами по себе дефиниции лишены экспликативной способности³. Поэтому сама по себе синтетическая дефиниция права не удовлетворяет амбициям большинству интегративистов, ищущих единство права в самой «природе вещей», т. е. либо в онтологической природе права, либо в природе мышления о праве. В этом отношении рассуждения сторонников интегративизма не ограничиваются «критикой отвлеченных начал» в построениях мыслителей прошлого. В поддержку интегрального понимания права выдвигается (в той или иной версии) также и онтологический аргумент, согласно которому единство предмета и процесса познания права гарантируется единством объекта такого познания, т. е. онтологиче-

¹ См.: Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. М., 2004. С. 27.

² Ср.: Графский В. Г. Интегральное правопонимание в историко-философской перспективе // Философия права в России: история и современность. С. 221–234.

³ См. об этом: Мартышин О. В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право. 2003. № 6. С. 14 и далее.

ским единством права как явления. С этой точки зрения утверждается, что историю философии права характеризует односторонность, поскольку в сочинениях мыслителей прошлого традиционно делался акцент только на одну из различных сторон права как явления (совокупности, системы явлений) — право как социальный факт, как психологическая эмоция, как нормативное должностное поведение, как ценность справедливости и проч.¹ Такие установки привели к тому, что изучение права дробилось на множество концепций, каждая из которых является отчасти истинной (поскольку отражает один из аспектов той реальности, которую мы называем правом), но одновременно предстает и как ложная в своей односторонности, в отрицании других измерений права. Как отмечает А. В. Поляков: «Правовые теории в неклассической парадигме утрачивают свою «односторонность», присущую классическим вариантам, возникшим на основе упрощенных, «объективистских» моделей правовой эпистемологии, трансформируясь в теории интегративные (интегральные), т. е. совмещающие в себе аспекты права, которые ранее были «приватизированы» «командным» (эгатистским) и естественно-правовым вариантами правопонимания»². Нетрудно догадаться, что спасительная миссия интегративной юриспруденции заключается в преодолении односторонности подобных «ограниченных» концепций и в формулировании такой методологии, которая могла бы одновременно охватить и описать сразу все те аспекты, что характеризуют право.

В этом плане проблематика, видимо, сводится к вопросу о том, существует ли право как единое явление, как целостная онтологическая данность. Если ответ на этот вопрос положительный³, тогда появляется почва для требований о том, чтобы праву как онтологическому единству соответствовало интегральное понимание права, включающее и себя все различные элементы такого единства. Ничего кардинально нового в этом ракурсе рассуждений об интегральности права мы не встречаем: объективистские представления о целостности права описываются на идеальный образ, который транслирует сформировавшиеся еще в Античности и Средневековье представления о праве как единстве, производном из общего блага, воли божества и других объективных ценностей, — к примеру, известная еще со времен Платона диа-

¹ Поляков А. В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации // Правоведение. 2006. № 2. С. 26—43.

² Там же. С. 26.

³ Критика такого предположения была высказана в отечественной юриспруденции несколько десятилетий назад. См.: Алексеев С. С. Право: методологические подходы к исследованию // Вопросы философии. 1983. № 3.

лектика исследования права через категорию справедливости: «Если часть принадлежит целому, то она обладает свойством целого, а целое в праве есть справедливость...». Презумпция целостности, системности права корреспондирует тезису о целостности, системности миропорядка, образуя в мировоззренческом аспекте отношение частного (права как части миропорядка) и общего/целого (самого миропорядка); в современной интегральной интерпретации эта экспликативная схема воспроизводится через утверждения о цельности культурного дискурса, социального общения, языка и проч.¹

Самый легкий, классический путь научного исследования — положить, что единство предмета обуславливает единство метода. И если право разбивается на несколько онтологически независимых данностей, то с позиций классического научного знания получается, что каждой из этих данностей должен соответствовать свой метод, своя научная дисциплина: примерно так рассуждал Кельзен, конструируя свое чистое учение вокруг только одного измерения права — его нормативности. В этом отношении можно также вспомнить и Л. И. Петражицкого с его психологической теорией права, которая методологически зиждется на том же самом допущении. Но если мы попытаемся сконструировать и единую методологию исследования такого явления. Как небезосновательно отмечает О. В. Мартышин, «в интегративном подходе объединяются нормы, отношения и правосознание, т. е. представления о том, какими должны быть правовые нормы и правовые отношения»². Другое дело, как доказать, что все те явления, которые мы обычно обозначаем как право (нормативное должностное поведение, метафизические ценности, фактическое поведение, сознание, эмоции и переживания, тексты и прочие феномены), образуют нечто онтологически единое.

Чтобы опровергнуть Кельзена в этом отношении, сторонники интегративного знания о праве нередко обращаются к неклассической научной рациональности, которая позволяет совмещать несколько образов изучаемого предмета в рамках одной исследовательской установки. Но возможность единства познания и конструирования единого предмета знания еще ничего не говорит нам о единстве познаваемости объекта. Поэтому апелляция к новым типам научной рациональности ни к чему не приводит, а тезис об онтологическом единстве права все равно подлежит доказыванию. Именно здесь в ин-

¹ Ср.: Поляков А. В. Интегральная теория права: миф или реальность? // Философия права в России: история и современность. С. 234—242.

² Мартышин О. В. Совместимы ли основные типы понимания права? С. 13.

тегральных концепциях незаметно осуществляется логический прыжок: из рассуждений о недостатках классической рациональности и необходимости перехода к неклассической научной методологии выводится, что право должно мыслиться как целое. Как будто сама по себе смена установок научного поиска с классической на неклассическую могла доказать единство права как объекта нового, неклассического типа познания.

По сути, речь здесь идет о новом варианте редукционизма — право сводится к некоей претендующей на всеобъемлемость базовой социокультурной категории (общение, диалог, коммуникация, герменевтика и проч.), в границы которой исследователь вносит все то, что ему хотелось бы видеть в праве. Но в отличие от классического редукционизма, где право ради единства познания сводилось к эмоциям, нормам, ценности и прочим аспектам, новый «неклассический» редукционизм приводит к «гиперинфляции» элементов самого понятия «право». Новые философские категории с намеренно размытыми границами позволяют умозрительно расширять исследуемое понятие права до тех пределов, где исследователь сам сочтет нужным остановиться, — так последовательная борьба против объективизма научного познания права приводит к бесконтрольному субъективизму. Постмодерн торжествует! В такой перспективе нет никакой трудности и отнесения к праву всего того, что кажется подходящим познающему субъекту, — правоотношения, правосознание, социальное и психологическое принуждение, психология, нормы, тексты, мифы, нарративы и проч. подводится под общую социокультурную категорию. И после такого исследовательского маневра к полученной «данности» могут применяться дополнительные фильтры для ограничения права от социальных явлений, оказывающихся в границах той категории, которая используется для фундаментирования нового интегрального образа права. Как нетрудно заметить, разница с «классическим» подходом если и есть, то не качественная, а скорее количественная, вернее — терминологическая? С откровенной простотой Н. Луман вообще отказывается от подобных обобщающих понятий, вводя презумпцию

¹ На существенную связь интегральных проектов отечественной юриспруденции с постмодернистским мировоззрением справедливо указывает А. В. Поляков: «Различные правовой теории в условиях российского постмодерна требуют обоснования новых вариантов правопонимания, отличных от тех классических образцов, которые сформировались в эпоху модерна. Такие варианты правопонимания должны иметь интегральный характер...» (Поляков А. В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход: курс лекций. СПб., 2003. С. 19).

² На это небезосновательно указывал, в частности, И. Л. Честнов (см.: Честнов И. Л. Правопонимание в эпоху постмодерна // Правоведение. 2002. № 2. С. 5).

соответствующего бинарного кода, с помощью которого право дифференцирует себя от своего окружения. В любом случае искомым тезис об онтологическом единстве права остается недоказанным.

Попробуем вернуться назад и решить, возможна ли интегративная модель понимания права при отрицательном ответе на вопрос об онтологическом единстве права. Если обосновать такое единство не представляется возможным и с использованием средств неклассического научного знания, то приходится только признать, что право состоит из гетерогенным конгломератом фактов, ценностей, норм, текстов и проч. Тогда задачей юриспруденции может стать не постулирование мнимого единства, а описание социальной реальности права через «энциклопедическое» перечисление совокупности признаков, с которыми связывается понятие «право». В этом ракурсе интегральное видение права уже не претендует на то, что описываемый им объект представляет собой онтологическое единство, и исходит из того, что предмет исследования обнаруживает множество разнородных аспектов, искусственно объединяемых вокруг некоей экспликативной схемы. Такой ход рассуждений кажется вполне убедительным для тех, кто при исследовании права предпочитает оставаться на платформе классического научного знания, не пускаясь в опасное плавание по просторам постмодерна¹. Но в этом случае придется отказаться от претензий на мнимую новизну «интегральной парадигмы» видения права и заняться кропотливым описанием тех явлений, что обозначаются как право. Тем самым проблема интегрального подхода к праву трансформируется в хорошо знакомый вопрос о системности права.

Если оставить на долгу философии права рассуждения о том, какими должны быть те критерии, с помощью которых нам следует дифференцировать право *per se* от неправовых явлений (либо как нечто тот бинарный код, с помощью которого право самодифференцируется, если использовать лумановскую терминологию), то предмет видения о праве может стать совокупность признаков, свойств, элементов права, которые признаются в качестве значимых в доктрине того или иного правового порядка. Равно как и изучение факторов и логических связей, в силу которых те или иные признаки в той или иной системе обрели аргументативную убедительность. Как отмечает В. Г. Графский: «Задача не в том, чтобы слить эти элементы во одно, но чтобы более строго, тщательно и детально расчленили различные составные части и направления научного познания права.

¹ Ср.: Графский В. Г. Интегральная (общая, синтезированная) юриспруденция как методическое и практическое задание // Наш трудный путь к праву. С. 140—165.

Только этим путем можно подготовить почву для заключительного синтеза, который должен привести к цельному и полному знанию о праве¹. Тем самым мы отходим от проблематики единства права как предмета (объекта) познания и приходим к формированию круга представлений, необходимых для понимания права: именно в этом состояла функция энциклопедии права в дореволюционной российской юриспруденции. И уже другой вопрос — как относиться к мечте о цельном знании о праве: значимо то, что будет плодородная «почва», а вырастет ли на ней «цельное знание о праве», покажет время. Возможно, поиск ответа на вопросы о методологических основаниях единства мыслительного процесса познания права правильнее искать не в претензиях на универсальность (характерных для интегральных схем), а в систематическом изучении многообразия проявлений права, воззрений на его природу в контексте такой дисциплины, как энциклопедия правоведения², которую В. Г. Графский предлагает определять как «дисциплину, содействующую улучшению ориентации в ключевых проблемах современного правоведения»³. При этом следует обращать особое внимание на то существенное различие, которое есть между конструированием идеального типа понимания права на основе комбинирования (интеграции) иных идеальных типов и формулированием реальной исследовательской модели исследования права.

¹ Графский В. Г. Общая теория права П. А. Сорокина: на пути к интегральному (синтезированному) правопознанию // Государство и право. 2000. № 1. С. 116.

² О различных интегральном и энциклопедическом правоведении см. подробнее Михайлов А. М. Генезис континентальной юридической догматики. М., 2011.

³ Графский В. Г. Право как результат применения правила законной справедливости (интегральный подход). С. 5.

Л. И. ГЛУХАРЕВА,
доктор юридических наук, профессор
(Москва)

Энциклопедия правоведения и интегральная юриспруденция в системе подготовки юриста-бакалавра

На вопрос о том, каковы назревшие потребности высшего юридического образования и какие существуют ресурсы для улучшения воспитания студента правовой теории, следует, предположительно, ответить так: перспективной является компетентностная модель обучения, опирающаяся на должную методическую базу, при заинтересованной и профессиональной ее реализации субъектами образовательной деятельности. Применительно к общей теории права методическая обеспеченность означает создание учебников (учебных пособий), представляющих содержание теории государства и права в интегральном ключе, и равным образом учебников и учебных пособий по энциклопедии права. Востребованность интегральной юриспруденции и в меньшей степени энциклопедии права (энциклопедии правоведения) сегодня остро ощущается в процессе реализации программ подготовки юристов-бакалавров. Как свидетельствует педагогическая практика, интегральная юриспруденция отвечает главным образом потребностям студентов, осваивающих так называемый базовый (пороговый) уровень знаний по теории государства и права, в энциклопедии же права заинтересованы учащиеся-бакалавры, поступающие на получение повышенного (превосходного) уровня формирующихся компетенций.

Компетентностный подход в высшем образовании, как известно, был введен Федеральным государственным образовательным стандартом третьего поколения¹ в результате подключения Российской

¹ Приказ Минобрнауки РФ от 4 мая 2010 г. № 464 (в ред. от 31 мая 2011 г. № 1975) об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 090900 «Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр»», зарегистрирован в Министерстве РФ 21 мая 2010 г., № 17337 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. № 26.